

МАРГИНАЛЫ СО ЗВЕЗДАМИ О КОСМОНАВТАХ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ РАЗМЫШЛЯЕТ ГРИГОРИЙ РЕВЗИН

У людей чуть старше меня при словах «космонавт» появляется мечтательное выражение на лице. Я скорее пугаюсь. В детстве я не хотел стать космонавтом. Первое, что я помню о космонавтах, — это что погибли Георгий Добровольский, Владислав Волков и Виктор Пацаев. Не уверен даже, что это воспоминания 1971 года, мне было пять лет, а у меня плохая память на происшедшее со мной в детстве. Но вряд ли это было сильно после. Я помню, что слышал (подслушивал за родителями) какой-то вражий голос — BBC, «Голос Америки» или «Немецкую волну» — с душераздирающим рассказом о том, как они задыхались, как весь воздух вышел через какой-то клапан. Видимо, передача эта повествовала обо всех случаях смерти советских космонавтов, потому что я запомнил, что, задыхаясь, они материли Брежнева, хотя история про то, как материли, должна была относиться к гибели Владимира Комарова. То есть к 1967 году, когда он сгорел в «Союзе» и крики его, горящего заживо, якобы поймали на свои приемники американцы. Не уверен, что я узнал про Гагарина именно из этой передачи, но первое, что я помню про него — это то, что он тоже недавно погиб.

Примерно тогда же, лет в пять, мне подарили диапроектор с диафильмами, и один из них был изложением какого-то мрачного фантастического рассказа, что-то вроде Брэдли или Лема. Там было про то, как все куда-то полетели, там сгорели и умерли, остался только робот, который бесконечно звонит в колокол, а ему никто не отвечает. Ну совсем страшно. А потом еще наш знакомый привез из Звездного городка космическую пищу, и это было ужасное разочарование, потому что казалось, что в Звездном городке особая, очень вкусная пища, а оказалось, что это зубная паста из гречневой каши. В общем, к тому моменту, когда на вопрос «Кем ты хочешь стать?» счастливый

советский мальчик должен был отвечать: «Космонавтом», я знал, что космонавты — это те, кого кормят кашей из тюбиков, а потом они сгорают заживо и в пустынном месте в космосе обречены вечно звонить в колокол. Я не хотел стать космонавтом.

Через много лет я случайно встретился с космонавтами в предбаннике одной телепередачи. Как это обычно бывает, передача снималась в исключительно отвратительном месте, мы сидели в гримерке с грязноватым парикмахерским оборудованием и ждали выхода в студию, где сонливая замерзающая массовка пыталась разучить аплодисменты для их, а потом и моего появления. Это были крепкие деды в пиджаках, заметно засаленных вокруг привинченных орденов. На одного из пятилитрового пластмассового ведра накладывали пудру, второй сидел уже отштукатуренный, а я еще поблескивал непудреной лысиной и рассматривал разбитый светло-коричневый кафельный пол. Мне не хотелось думать о себе, я думал о космонавтах. Удивительно, думал я. Хуже Героев Социалистического Труда. Уже подвергшийся запудриванию пытался дорассказать неопрятной девушке в короткой юбке и красных колготках, обрабатывающей его коллегу, некую историю про космическую злокозненность американцев.

Вероятно, могло быть иначе. Если бы освоение космоса как-то соединилось с современными ценностями, тогда космонавты воспринимались бы иначе. Но над этим ведь надо было работать. Надо было присваивать им не те звания, которые им присваивают сейчас, а, скажем, чтобы после полета космонавт становился полковником ФСБ. Было бы полезно, если бы кто-нибудь из них попозировал в космосе на коне с голым торсом, чтобы было ясно — настоящий полковник. И можно было бы пустить слух, что на каждом полете они отмывают минимум пол-ярда, а готовят их в Куршевеле, а на орбиту к ним возят девушек, как для воров в законе. Тогда они могли бы делать суперэлитные астрологические прогнозы. Надо бы передачу «Космос со звездами». Нет, не с этими, которые проходили в школе на отмененных теперь уроках астрономии, а с настоящими звездами — Галкин там, Пугачева, Ургант. Можно послать в космос звезд на коньках. Опять же было бы здорово отработать в космосе тему сексуальных меньшинств или чтобы кому-нибудь изменили пол. Ну, если до этого мы пока еще не доросли, то хотя бы попа послать. Космонавт в рясе — это дело святое.

Это ведь только кажется странным и экзотичным. На самом деле это не менее экзотический полет мысли, чем соединение космоса с КПСС. Мы ведь не сомневаемся в том, что полеты в космос — это часть программы Коммунистической партии. Хотя у Маркса, Энгельса, Ленина и даже Сталина не поставлена задача освоения космического пространства, но мы не сомневались, что все они стремились туда, и вообще полет в космос без партбилета — это какой-то абсурд. Американцы, признаем, тоже летали, но только нам назло, без всякого удовольствия. А для коммунистов-то космос — это же была цель. Многие думают, что я хлопочу о ракете и беспокоюсь о ее судьбе из-за самой ракеты. Это было бы глубочайшей ошибкой. Ракеты для меня только способ, только метод проникновения в глубину космоса, но отнюдь не самоцель. ... Неужели вы думаете, что я так недалек, что не допускаю эволюцию человечества и оставляю его в таком внешнем виде, в каком человек пребывает теперь: с двумя руками, двумя ногами и т. д. Нет, это было бы глупо. Эволюция есть движение вперед. Человечество как единый объект эволюции тоже